

Москва, правда. 2002. — 5 нояб. — с. 6

Тяжелая жизнь, легкая рука

7 ноября скульптору Льву Кербелю исполнится восемьдесят пять

Лев РУДСКИЙ

Опираясь на трость, Лев Ефимович уже второй час водил меня по своей мастерской и рассказывал, рассказывал... О том, как зарождался тот или иной замысел, кто помогал ему, кто мешал.

— Вот портрет летчика Сафонов, — говорит скульптор. — Когда он стал дважды Героем Советского Союза, сам Сталин распорядился, чтобы на его родине был установлен бронзовый бюст. С этого, кстати, и началась традиция. А это — портрет летчика Захара Сорокина. Он потерял обе ноги, но продолжал воевать. Адмирал Головкин — мой крестный отец, в годы войны — командующий Северным флотом. Это — памятник Юрию Гагарину. А это — трижды Герою министру обороны Дмитрию Федоровичу Устинову. Устинов для страны много сделал. Под носом у гитлеровцев всю технику вывез на Восток. Я его чту. К слову, это он мне помог эту мастерскую «выбить». А вот памятник великому флотоводцу Федору Федоровичу Ушакову. Недавно его канонизировали, теперь он святой. Памятник стоит в Мордовии, он ведь мордвиним был. А это — подводники, Герои Советского Союза Николай Лукин, Израиль Фисанович. Российский император Петр Первый. Я сделал-то его быстро, давно это было, а потом он долго в сарае стоял. Пришла пора, и на его основе отлили памятник, который установлен в Измайловском парке в Москве. Уже Лужков открывал...

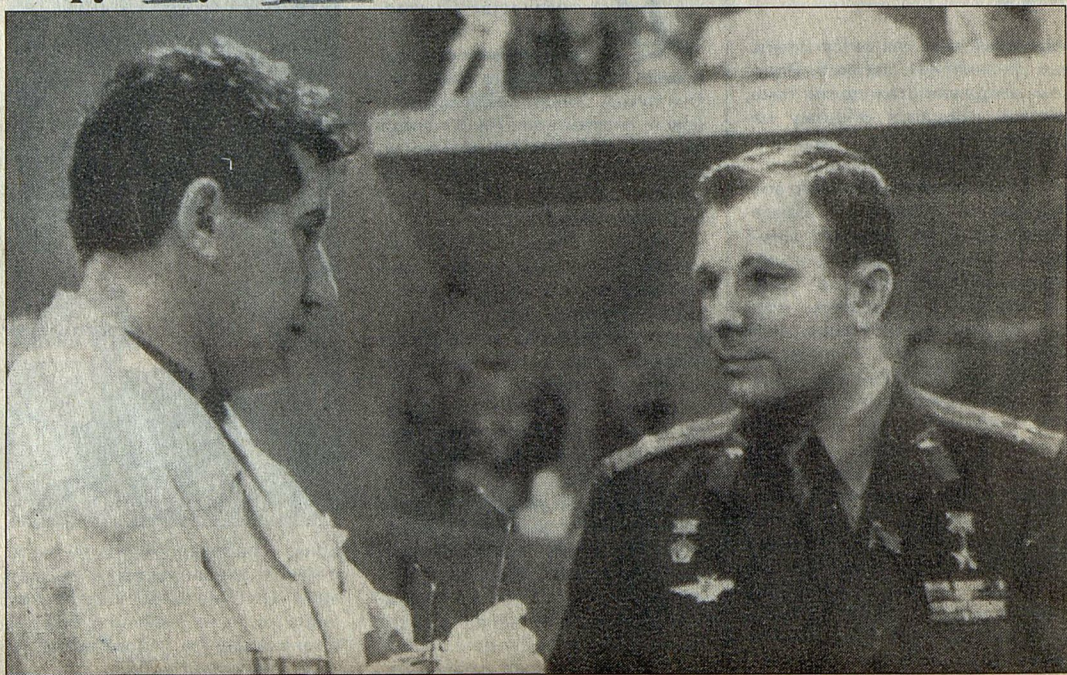
Перечислить все звания и награды Кербеля нет никакой возможности. Вот лишь основное — вперемешку: профессор, вице-президент Российской академии художеств, ветеран Великой Отечественной, Герой Социалистического Труда, капитан первого ранга, лауреат Ленинских и Государственных премий, кавалер многих государственных наград, в том числе и ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени, за активное участие в восстановлении храма Христа Спасителя награжден памятной медалью. А еще предмет гордости выдающегося скульптора — ученики: ректор Суриковского института Анатолий Бичуков, Александр Рукавишников, Михаил Переяславец...

Но только на первый взгляд покажется, что все ему в жизни удавалось легко и непринужденно. Люди старшего поколения привыкли к тому, что бронзовые, мраморные классики марксизма-ленинизма от Кербеля украшали столицы и города многих стран. Но не думаю, что у кого-нибудь повернется язык назвать памятники Кербеля «халтурой» или сделанными на потребу дня, обвинить талантливого скульптора в приспособленчестве. Занятно, что в КПСС его очень долго не принимали, так что коммунистом он был значительно более короткое время, чем те, кто сегодня громко и усердно отрешиваются...

Откуда у него такая звучная фамилия? Лев Ефимович по этому поводу улыбается:

«О, это целая история. Мои дедушка с бабушкой жили тогда в маленьком украинском селе. Дед был скорняком, шил шубы. А в Юзовке жил помещик, француз. Однажды его внук стал тонуть в озере, а дед как раз шел мимо. Недолго думая, прыгнул и спас парнишку. Старый француз дал деду золотой рубль и, похлопав по плечу, сказал: «Кербель, Кербель», то есть замечательный, добрый человек. А местные крестьяне прозвали его Кербель. Так это потом и стало фамилией. Правда, некоторые пацаны, когда хотели меня подразнить, кричали «Кербол, кербол», что в переводе с идиш обозначает «рублик». Мне это не нравилось, и я им бил морду».

А вот как Лев Ефимович стал скульптором. Лев был в девятом классе, когда в Смоленске на какой-то школьной олимпиаде со своей скульптурной группой под названием «У самовара я и моя Маша», вылепленный из глины, занял первое место. За это ему даже фотоаппарат подарили. А после окончания школы директор

говорит ему: раз ты все время лепишь и у тебя так хорошо это получается, езжай-ка ты в Москву, к Крупской. Дело было зимой 1934-го. Москва встретила семнадцатилетнего парня приветливо. Вдова вождя мирового пролетариата дала ему талон на вкусный и сытный обед, познакомилась с ректором Ленинградской академии художеств И. И. Бродским (он был учеником И. Е. Репина), который тут же отправил его «на просмотр» к известным в то время скульпторам Меркулову и Тавосееву. Те сумели рассмотреть в щуплом провинциале божью искру.

По приезду в Ленинград Кербеля определили к большому и очень требовательному мастеру Виктору Синайскому. С первым же заданием — нарисовать человеческий череп — абитуриент не справился, за что был безжалостно разжалован в... кулины. Впечатлительный юноша, расстроенный до глубины души, идя по отремонтированному мосту лейтенанта Шмидта, не заметил дырки и свалился в ледяную воду. В бессознательном состоянии его привезли в больницу. Еле откачали. Возвращаясь в академию было стыдно. И пошел он подмастерьем к скульптору Матвееву. Долго учился уму-разуму. Потом уехал в Москву и без проблем поступил в Суриковский институт. Когда он подошел уже к диплому, началась война.

Как истинный патриот и комсомолец, Лев Кербель просится добровольцем на фронт. Но вместе с другими студентами его отправляют рыть окопы под Вязьму. Сколько людей погибло в эти первые дни и недели войны на рытье окопов! Кербелю «повезло»: он был сильно контужен. Несколько месяцев не слышал, не видел, не говорил. Сначала попал в ленинградский госпиталь, потом эвакуировали в Узбекистан.

По возвращении в Москву ему предложили поехать военным художником на Северный флот, в город Полярный. Первое время он не мог найти общего языка с моряками и летчиками. Но, вспоминая, как в детстве, а потом в студенчестве лепили снежные скульптуры, решил сделать их на войне. Кербель рассказывает: «Как раз завершился разгром гитлеровцев под Москвой, на Северном флоте тоже шли большие бои. Вместе со свободными от несения боевого дежурства солдатами (они утапывали снег) я сделал две большие десятиметровые фигуры: наш красноармеец отбивает атаку, а рядом сидит немец, жалкий такой, весь в сосульках. Тут же — скульптуры моряков, идущих в бой. В шесть утра шел мимо командующий Северным флотом Головкин, увидел фигуры и грозно спросил: «Это что такое? Автора ко мне!» Я погладил брови, офицеры научили меня, как надо правильно честь отдавать. Прихожу. Адмирал предлагает чаю, спрашивает, откуда я, что делал раньше. Выслушал внимательно и, наконец, говорит: «Таких херовых матросов, как ты, у меня пруд пруди. А вот то, что ты можешь делать, очень важно для нас. Люди погибают, надо увековечить их».

И скульптор взялся за работу. Заказал глину, гипс — из самой Москвы привезли. И начал лепить. С легкой руки Кербеля, как только он вылепит что-то портрет, отформирует, так тут же по радио объявляют, что его героя награждают орденом или внеочередное звание дают. За короткое время вылепил 32 портрета, и всех наградили.

Старший матрос Кербель черпал вдохновение не в теплых землянках. Он вместе с другими участвовал в боевых операциях на кораблях «Гремящий», «Разумный», на подводных лодках, летал на самолетах. Там же, на Северном флоте, его хотели принять в партию. Рекомендацию ему дал капитан первого ранга Герой Советского Союза Израиль Фисанович. Но до собрания он не дождался — в одном из жестоких боев погиб вместе с экипажем.

Война уже шла на территории Западной Европы. Неожиданно в штаб Северного флота приходит депеша с приказом Сталина откомандировать Кербеля в распоряжение Жукова, который вместе со своими войсками вышел уже на подступы к столице фашистской Германии. Матросу присвоили звание лейтенанта, приехали и дали задание сделать за три месяца памятник героям штурма Берлина. Кербель понимал, что за такой короткий промежуток времени ему одному не справиться, и призвал на помощь друга — Владимира Цигала. Сделали в срок. Всем понравилось. За эту работу скульпторов премировали мотоциклами.

Война принесла молодому офицеру немало горя. Его первая жена с маленьким сыном буквально за несколько дней до 22 июня поехала к родителям в Киев. Бомба попала прямо в их дом. Все погибли. Лев Ефимович узнал об этом только на фронте, когда случайно встретил сестру жены, которая на каком-то полустанке брала кипятки.

Со своей второй женой Татьяной скульптор познакомился на войне. Красивая девушка пела в военном ансамбле. Перед окончанием войны она родила ему сына Владимира. Талантливый мальчишка пошел по стопам отца. С отличием окончил художественное училище, помогал ему в работе. Когда они вместе делали памятник Карлу Марксу в германском городе Карл-Маркс-штадте, сын время от времени неожиданно стал терять сознание, падать в обморок. В Москве поставили жуткий диагноз: «рак мозга».

Лев Ефимович с горечью говорит: «Может быть, это у него произошло после того, как он добровольно участвовал в боевых действиях на Даманском? Может быть, облупился».

Жена не смогла пережить смерть сына. И вскоре, когда Кербель был на партийном собрании (в члены КПСС его все-таки по настоянию Н. С. Хрущева приняли), она покончила жизнь самоубийством. Похоронил Лев Ефимович сына и жену на Новодевичьем кладбище, поставил им памятник.

Долгое время был одиноком. Но вот юная красивая натурщица положила глаз на пожилого про-

фессора. Стала опекать его, ухаживать. Месяца через полтора они поженились. Молодая женщина тут же родила двух дочерей и стала... пить, скрывая от мужа свои пагубные привычки. Потом родила еще одну дочь, где-то напилась до чертиков и умерла. Похоронил Кербель свою жену и на ее могиле тоже поставил памятник. Остались три малолетние девочки. Что делать? Теща самозабвенно ухаживала за любимыми внуками. И тогда Лев Ефимович решил сделать ей предложение.

«Не подумайте ничего такого, — словно предугадывая мой каверзный вопрос, говорит скульптор, — я уже тогда никаких дел, которыми мужики занимаются, не делал, и она тоже. Но наследство-то все-таки законной жене остается».

Три дочери — три красавицы выросли у Кербеля. Старшей — 27 лет, младшей — 21. А еще есть внучка Маша. Она — дочь Владимира, родилась за две недели до его смерти. В честь своего отца назвала сына. Правнуку Льва Ефимовича Вовику — пять с половиной лет.

Если вы думаете, что мэтр монументальной скульптуры в свои 85 сидит без дела и смотрит в окно, то глубоко заблуждаетесь. Он весь в новых планах.

«Да у меня эти задумки, — говорит Лев Ефимович, — все время в голове. Иду в мастерскую, начинаю что-то делать, а потом вспоминаю, что денег-то нет. У меня в заделе много рабочих моделей. Но никто ничего не хочет платить. 16 лет ждут финансовой поддержки памятники «Морская душа» для города Полярного, где я служил, «Смоленск — город-герой» и другие. Если денег наберу, хочу за свой счет сделать памятник «Морская душа». Еще в 1949 году мой эскиз памятника «Суворова переходит через Альпы» выиграл конкурс, даже премию тогда дали. Но до сих пор он нигде не установлен. Недавно обратились ко мне какие-то «новые русские», сказали, что они хотят наладить деловые отношения с Индией, им нужна статуя русского купца Афанасия Никитина, который с Индией пенькой, медом, пушиной торговал. Я схватился, все, какие достал книги о Никитине прочитал, сделал рабочую модель. Заказчики пришли, посмотрели, им очень понравилось, говорят, мол, спасибо за подарок. Оказывается, они и не собирались платить, рассчитывали, что я им сделаю подарок. С какой стати?..»

Да, некрасиво, господа. Чтобы не заканчивать на пессимистической ноте, хочу добавить, что недавно на территории Мещанского района в Центральном административном округе, напротив Театра российской армии и рядом с Музеем Вооруженных сил России Кербель создал прекрасный памятник морякам, погибшим на атомном подводном крейсере «Курск». А рядом его ученик Михаил Переяславец, ныне тоже академик, сделал памятник десанникам 104-го гвардейского полка, павшим в Чечне...

Здоровья вам, Лев Ефимович, творческих успехов и благополучия!

На снимке: Лев Кербель и Юрий Гагарин.